

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ,

из которой вы узнаете о том, как дух Лин-гань послал метель с холодным ветром и как Трипитака, все помыслы которого были устремлены к единой цели, отправился по льду через реку

Итак, жители селения Чэньцзячжуан, почитатели духа Лин-гань, захватив с собой жертвенных животных — свинью, барана, а также Сунь У-куна и Чжу Ба-цзе, с шумом и криками понесли все это к кумирне Лин-гань и расставили там, как полагается. Мальчика и девочку поставили впереди. В этот момент Сунь У-кун обернулся и заметил на жертвенном столике среди цветов и свечей золотую табличку с надписью: «Дух великого князя Лин-ганя». Ничего, что говорило бы о присутствии духа, кроме этой таблички, он не обнаружил. Когда все было надлежащим образом расставлено, присутствующие начали совершать перед алтарем поклоны, восклицая при этом:

— Отец наш, великий князь! В этот час, день, месяц и год, мы, твои почитатели, — Чэнь Дэн и остальные жители селения Чэньцзячжуан, следуя обычаю, преподносим тебе в жертву мальчика Чэнь Гуань-бао и девочку И Чэн-цзинь, свинью, барана — и все, что положено. Умоляем тебя ниспослать нам благодатный дождь, чтобы урожаи наши были богаты и обильны.

После молитвы были сожжены жертвенные животные, сделанные из бумаги, и все разошлись по домам.

— Пойдем и мы домой, — сказал Чжу Ба-цзе.

— А где у тебя дом? — спросил Сунь У-кун.

— Пойдем в дом Чэня и выспимся.

— Опять ты за свое, Дурень, — рассердился Сунь У-кун. — Раз мы дали слово, надо выполнить его.

— Ты как будто не дурак и меня все называешь Дурнем, — сказал Чжу Ба-цзе. — Неужели же ты думаешь, что мы должны принести себя в жертву? Мне казалось, что ты устроил все это в шутку.

— Если быть честным, то до конца, — сказал на это Сунь У-кун. — Мы во что бы то ни стало должны дожждаться духа. Иначе он пошлет на эту землю неисчислимые бедствия, и повинны в этом будем мы.

И вот в тот момент, когда они беседовали, налетел порыв ветра.

— Ну, плохи наши дела! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Дух уже где-то поблизости.

— Молчи, — сказал Сунь У-кун. — Разговаривать с ним буду я.

Вслед за тем дверь распахнулась и появился дух.

Шлем золотой на голове блистал,
Переливалась золотом кольчуга,
И пурпур облаков напоминал
Бесценный пояс, охвативший туго.
Сияли очи звездами во мгле,
Как зубья пил, торчали зубы странно.
Пары за ним клубились по земле,
Вокруг курились теплые туманы.
Идя, холодный вихрь он подымал;
Остановившись, веял вредным паром.
Он бога врат лицом напоминал
Иль царедворца перед государем.

Заперев дверь на засов, дух громко сказал: — Чья же очередь сегодня приносить мне жертву?

— Если позволите, я скажу, — отвечал Сунь У-кун, с трудом подавляя смех. — В этом году настала очередь семьи Чэнь Дэн и Чэнь Цин.

Такой ответ поразил духа.

«А этот мальчуган очень смел, — подумал он, — да и говорит складно. Обычно в таких случаях на первый вопрос ничего не отвечают. После второго от страха теряют сознание, а когда я беру их, они уже почти мертвы. Почему же этот мальчик так смело ответил на мой вопрос?..»

Не решаясь подойти к своим жертвам, дух снова спросил:

— А как вас зовут?

— Меня зовут Чэнь Гуань-бао, — ответил улыбаясь Сунь У-кун, — а ее — И Чэн-цзинь.

— Ну что ж, — сказал тогда дух. — Церемония жертвоприношения освящена обычаем. Сегодня

настала ваша очередь, и сейчас я должен буду вас съесть.

— Мы не смеем противиться этому, — смиренно отвечал Сунь У-кун. — Поступайте как вам угодно.

Эти слова привели духа в еще большее смущение, и он не осмеливался приступить к делу.

— Хватит разговаривать! — крикнул он. — Обычно я начинаю с мальчиков, но сегодня, пожалуй, изменю своему правилу и начну с девочки.

— Великий князь! — воскликнул тут, придя в смятение Чжу Ба-цзе. — Не нарушайте установленного порядка и делайте так, как обычно!

Но дух без дальнейших разговоров подошел к И Чэн-цзинь и схватил ее. В этот момент Чжу Ба-цзе стремительно спрыгнул со стола, принял свой обычный вид и, схватив грабли, взмахнул ими. Дух бросился было бежать, но Чжу Ба-цзе успел ударить его. Раздался оглушительный треск.

— Я сломал его кольчугу! — крикнул Чжу Ба-цзе.

Сунь У-кун, который тоже успел принять свой настоящий вид, присмотрелся и увидел две огромных рыбьих чешуи, которые по форме напоминали ледяное блюдо.

— Догнать его! — крикнул Сунь У-кун. В тот же миг они подпрыгнули и очутились в воздухе.

Здесь следует сказать, что дух, отправляясь в кумирню, не захватил с собой никакого оружия.

— Вы откуда явились и как смеете оскорблять людей, нарушать обряд и позорить мое доброе имя? — крикнул он.

— Эта низкая тварь не знает, кто мы, — сказал Сунь У-кун. — Мы — ученики преподобного Танского монаха Трипитаки, который по велению китайского императора следует в Индию за священными книгами. Вечером мы пришли в дом Чэней и остановились там на ночлег. От хозяев мы услышали о том, что в этих местах водится злой дух по имени Лин-гань, который требует, чтобы ему ежегодно приносили в жертву мальчика и девочку. И вот мы, по доброте душевной, решили спасти детей и выловить тебя, мерзкая тварь. Если хочешь остаться в живых, сейчас же докладывай, сколько лет ты числишься здесь великим князем и сколько пожрал детей. Услышав это, дух бросился бежать и не успел Чжу Ба-цзе нанести ему удар, как он превратился в порыв ветра и исчез в реке, Достигающей неба.

— Гнаться за ним не стоит, — сказал Сунь У-кун. — Этот волшебник живет, видно, где-нибудь в воде. Завтра мы подумаем о том, как выловить его и переправить нашего учителя через реку.

Чжу Ба-цзе согласился, и они вернулись в кумирню. Здесь они забрали свинью, барана и все остальные жертвенные предметы и все это вместе со столами принесли в дом Чэней.

И вот в тот момент, когда Трипитака, Ша-сэн и братья Чэнь сидели в зале в ожидании известий, они вдруг увидели Сунь У-куна и Чжу Ба-цзе, нагруженных всяким добром.

— Сунь У-кун, а как же церемония жертвоприношения? — спросил Трипитака.

Тут Сунь У-кун рассказал обо всем, что произошло, и сообщил, что дух скрылся в реке. Хозяева были в восторге и сразу же приказали приготовить лучшие комнаты, постелить там постели и пригласили Трипитаку и его учеников отправиться на отдых. Однако это к делу уже не относится.

Между тем дух, которому удалось спасти свою жизнь, вернувшись к себе во дворец, сел на трон и погрузился в мрачное молчание. Его подчиненные, обитатели водного царства, видя своего повелителя в таком настроении, стали спрашивать его:

— Что вас так огорчило? Ведь после жертвоприношения вы являлись обычно в прекрасном настроении.

— В прошлые годы мне удавалось кое-что принести и вам, — отвечал дух. — Но в этот раз я не только остался голодный, но к тому же еще встретил там довольно сильных соперников, которые чуть было не погубили меня.

— Кто же это такие? — спросили его подчиненные.

— Это ученики преподобного Танского монаха из Китая, — сказал дух. — Они идут на Запад за священными книгами. Один из них превратился в мальчика, другой — в девочку. Затем они приняли свой настоящий вид и чуть было не погубили меня. Я давно уже слышал о том, что Танский монах — человек святой и совершенный. Тот, кому удастся съесть хоть кусочек его мяса, обретет бессмертие. И вот теперь ученики его опорочили мое имя и нарушили церемонию жертвоприношения. Я бы очень хотел поймать этого монаха, но боюсь, что это невозможно.

В этот момент вперед выступила окунь-самка, одетая в пестрое платье. Непрерывно приседая и кланяясь, она сказала:

— Если вы, великий князь, хотите поймать Танского монаха, это можно легко устроить. Однако могу ли я рассчитывать на то, что, поймав его, вы и мне пожалуете кусочек его мяса?

— Если ты что-нибудь придумала и поможешь мне изловить Танского монаха, — сказал дух, — я назову тебя своей сестрой, и мы вместе полакомимся.

Окунь-самка поблагодарила духа и сказала:

— Мне известно, великий князь, что вы обладаете искусством вызывать ветер и дождь, будоражить моря и реки, однако я не знаю, подвластен ли вам мороз.

— Конечно, подвластен, — сказал дух.

— В таком случае, — сказала окунь-самка, — вы можете заморозить реку, не правда ли?

— Конечно, могу! — подтвердил дух.

— Ну, тогда все в порядке! — воскликнула окунь-самка, захлопав в ладоши от радости.

— Расскажи нам, как ты думаешь это сделать? — спросил дух.

— Сейчас уже третья ночная стража, — сказала тогда окунь-самка. — И вы, великий князь, не должны терять ни минуты. Прежде всего пошлите ледяной ветер, а затем метель. Надо, чтобы река, Достигающая неба, покрылась льдом. После этого те из нас, кто обладает искусством превращения, должны принять человеческий облик и, нагрузившись тюками с тачками и зонтами в руках, двигаться по льду. Помните, что Трипитака очень спешит получить священные книги, и вот, когда он увидит, что по льду ходят люди, он непременно последует их примеру. Вы же, князь, должны сидеть посредине реки и ожидать монаха. Как только услышите, что он идет, ломайте лед, и Трипитака вместе со своими учениками провалится в воду. Таким образом мы сразу захватим их всех.

Выслушав это, дух остался очень доволен и непрерывно восклицал:

— Чудесно, замечательно!

Мы не будем распространяться о том, как дух, покинув свой дворец, поднялся в воздух, вызвал ветер и снег и заморозил реку. Вернемся лучше к Трипитаке и его ученикам, которые ночевали в доме Чэня.

Перед рассветом они начали дрожать от холода. Чжу Ба-цзе стал сильно кашлять и тут же проснулся.

— Дорогой брат, — позвал он Сунь У-куна, — что-то очень холодно стало.

— Дурень ты, — отозвался Сунь У-кун, — видно, никогда из тебя настоящего человека не выйдет. Люди, ушедшие из мира, не должны замечать ни жары, ни холода.

— А ведь правда очень холодно, — сказал Трипитака.

Даже ватное

Двойное одеяло

В эти холода

Не согревало.

Сунешь руки в рукава,

А все — ледышки...

И свисают с сосен,

Замерзая, шишки.

Палый лист заиндевевший

Кружит,

И земля

Потрескалась от стужи;

Пруд покрылся

Льдистою корою;

Нет монахов

В храме под горою,

И рыбацкого челна

Не видно;

Дровосеку старому

Обидно!

Заготовил хвороста он

Мало;

Лишь богатым

Топлива хватало.

Путник,

Проходивший издалека,

Пострадал от холода

Жестоко;

Вся прическа

Сделалась железной;

Кажется и шуба

Бесполезной:

Зябко в шубке

И с собольим мехом;

Стала кисть поэта

Водяным орехом.

И монаха

Служба не согрела:

На ковре стоит,

Окоченелый.

Под бумажным

Пологом дорожным

Дремлет путешественник

Тревожно

И, укрывшись

На подстилке ватной,

Все ж дрожит он

Дрожью неприятной.

Трипитака и его ученики не могли больше уснуть, встали и оделись. Но, открыв дверь, они так и застыли от изумления. Вокруг все было бело. Они поняли, что выпал снег.

— Ничего нет удивительного в том, что вы продрогли, — сказал Сунь У-кун, — снег какой выпал! — И они стали любоваться чудесным зрелищем.

Облака пурпурные

Небо застилало,
Мрачными туманами
Белый день затмило,
Облака пурпурные
Небо застилало.
Сильный ветер северный
Завывал уныло.
Мрачные туманы
Землю застилали,
Хлопья снега падали,
И земля застыла.
Шестигранные снежинки
Белой яшмою порхали,
И мукой они ложились,
Позже — белой солью стали.
Драгоценными камнями,
Белым жемчугом блестящим,
Засияли, засверкали
Разукрашенные чащи.
Белоснежным попугаям
Стало горько и обидно:
Белизны их, равной снегу,
На ветвях теперь не видно.
Журавлиным опереньем
Белизна снегов пушистых;
В У и Чу слились, сравнялись
Воды многих речек чистых.
На востоке и на юге

Рощи слив отягощенных;
Кажется, что отступают
Пораженные драконы,
Кажется, что воздух полон
Прахом панцирных созданий,
И осколки разлетелись
Чешуи, побитой в брани.
Все огромное пространство
Изумрудно и красиво.
Ах, какой был снег! Казалось,
Мост засыпан пухом ивы.
И казалось, слива цветом
Осыпает эти веси...
Дождевой свой плащ у моста,
Воротясь, рыбак развесил.
Жжет весь день монах обрубки:
Лепестки лежат на крыше...
А в дороге зябнет путник
И никак вина не сыщет.
Чтоб достать цветов для чаши,
Слуги тратят все усилия.
Снег колышется, как будто
Мотыльки ломают крылья
Или пух летит гусиный;
Рвутся перья на просторах...
Снег ложится слой за слоем,
Снежный шелест... Снежный шорох.
Донимает холод резкий,

Снег ложится слой за слоем,
И в дорожную палатку
Проникает ветер с воем.
Но слетает с этим снегом
Радость предзнаменования —
Год приходит урожайный,
Исполняются желанья.

А снег все шел и шел. Снежинки кружились в воздухе, сплетаясь в сверкающие, словно нефрит, нити. Путники довольно долго любовались раскрывшейся перед ними картиной. Как вдруг заметили двух работников, которых хозяева прислали расчистить дорожки. Два других работника принесли им горячей воды для мытья. Вскоре гостям подали чай с печеньем. Затем, чтобы обогреть комнату, принесли жаровню с углями. Все уселись в гостиной, и началась беседа.

— Почтенные благодетели, — спросил Трипитака, — скажите, в ваших краях, как и у нас, год делится на весну, лето, осень и зиму?

— Хоть мы живем от вас и очень далеко, — с улыбкой сказал хозяин, — но наша страна отличается от вашей только обычаями. А хлеб, скот и все остальное находится под одним небом и согревается одним солнцем. Почему же мы не должны делить год на четыре времени?

— В таком случае, — продолжал Трипитака, — почему у вас сегодня выпал снег и стало холодно?

— Видите ли, — сказал хозяин. — Сейчас хотя и седьмой месяц, но уже наступил период белой росы, то есть праздник осени, который обычно падает на восьмой месяц. А в восьмом месяце у нас здесь всегда выпадает иней.

— Совсем не так, как у нас в Китае, — сказал Трипитака. — У нас иней начинает выпадать только после зимнего солнцестояния.

Пока они беседовали, слуги накрыли на стол. В это время снег пошел еще сильнее, и вскоре толщина его покрова уже достигала двух чи. Трипитака от огорчения даже заплакал.

— Успокойтесь, почтенный отец, — утешал его хозяин. — Стоит ли расстраиваться от того, что выпал снег? У нас столько хлеба, что мы можем кормить вас, как бы долго вы здесь ни прожили.

— Вам непонятно мое беспокойство, почтенный благодетель, — отвечал на это Трипитака. — В

тот год, когда я по велению императора отправился в путь, он сам проводил меня до городских ворот и собственноручно преподнес мне на прощанье бокал вина. Затем он спросил меня, когда я возвращусь обратно. Я совершенно не представлял себе, какой трудный и опасный путь предстоит мне проделать, и, не подумав, ответил, что мне потребуется три года. Однако после того как я расстался с императором, прошло уже более семи лет, а я так еще и не сподобился повидать Будду. Мне очень тяжело сознавать, что я нарушил свое слово. Кроме того, меня беспокоит мысль о злых духах, которые чинят нам всякие препятствия. Но раз уж нам посчастливилось попасть в ваш дом и мои ученики оказали вам небольшую услугу, я осмелюсь просить вас найти для нас лодку, на которой мы могли бы переправиться. Боюсь, что этот снег надолго задержит нас и тогда я не знаю, когда вернусь на родину.

— Да вы не беспокойтесь, почтенный учитель, — продолжал хозяин. — Вы ехали так долго, что какие-то несколько дней не сыграют никакой роли. Обождите немного. Когда прояснится и растает снег, я переправлю вас через реку, хотя бы для этого потребовалось все мое состояние.

В это время вошел слуга и доложил, что завтрак подан. Хозяин и гость отправились в зал. Позавтракав, они продолжали свою беседу. Вскоре их снова пригласили к столу. Глядя на обильное угощение, Трипитака еще больше расстроился.

— Раз вы так любезны, что оставили нас в своем доме, — сказал он, — то прошу вас, не считайте нас гостями и не хлопчите. — Почтенный отец, — возразил хозяин. — За ту милость, которую вы нам оказали, за спасение наших детей, невозможно отблагодарить. Даже если бы мы ежедневно устраивали в вашу честь пиры и делали вам подношения, этого было бы слишком мало.

Вскоре снег перестал идти и на улицах показался народ. Хозяин, видя, как расстроен Трипитака, приказал расчистить дорожки в саду и пригласил Трипитаку посидеть в снежном гроте, куда была принесена жаровня с углем.

— Этот старик, по-моему, ничего не соображает, — сказал с улыбкой Чжу Ба-цзе. — В саду хорошо весной. А какое удовольствие сидеть там в такой холод!

— Сам ты ничего не понимаешь, Дурень, — сказал Сунь У-кун. — Снежный пейзаж имеет свою прелесть: уединение и тишина. Это, несомненно, доставит удовольствие учителю и успокоит его.

— Совершенно правильно, — подтвердил хозяин и пригласил всех в сад. Там действительно было очень красиво.

Осень, а похоже,

Что декабрь настал:

На крыльце богатом

Грудами — крахмал.

Белоснежный пестик

Подняла сосна,

И побег бамбука

Вырос у окна,

А с плакучей ивы

Свесились цветы —

Серебром блеснули

Ветви с высоты.

Горки среди сада

Сложены из глыб;

Вырыт пруд огромный

Для красивых рыб.

Увенчалась горка

Крохотным ростком.

Чистый пруд проточный

Затянуло льдом.

И цветущий лотос

Потерял красу,

Ветви над обрывом

Никнут на весу;

И цветы бегоний

Опустились вниз;

У декабрьской сливы

Ветки принялись.

Снег, как пух гусиный,

Вьется надо всем,

Выбелив головки

Желтых хризантем;

Испытнал у клена
Листьев красноту,
С бабочкой сравнялся,
Легкий, на лету.
К множеству беседок
И не подойдешь
Даже в гроте снежном
Пробирает дрожь,
Хоть туда жаровня
Угля внесена,
С мордою звериной,
С лапами слона.
Запылали угли —
Жизнью все полно;
Из бумаги тонкой
Вставлено окно;
В этом гроте кресел
Много дорогих,
Тигровые шкуры
Брошены на них.
Древние картины
В гроте том видны,
Были семь бессмертных
Изображены.
Ход через заставу...
Горных круч разбег...
Цепи и утесы
Покрывает снег.

И рыбак печальный
Виден вдалеке
В лодке одинокой
На Ханьцзян-реке.
В павильоне водном
Рыбу продают,
Но тропинкой горной
Не проедешь тут.
И едва ль достанешь
Для себя вина...
Все ж душа восторга
Мирного полна:
Острова бессмертных
Больше не манят.
И к Пэнху не хочет
Устремляться взгляд.

Они долго любовались открывшейся их взору красотой и наконец уселись в снежном гроте. К ним пришли соседи, которым они рассказали всю историю путешествия паломников за священными книгами. После того как они выпили по чашке ароматного чаю, хозяин спросил:

— А вы, уважаемые отцы, вино пьете?

— Я даже не прикасаюсь к нему, — отвечал Трипитака, — а вот ученики мои могут выпить чашечку, другую легкого вина.

Хозяин был очень доволен и тотчас же приказал принести теплого вина, чтобы гости могли согреться. Слуги принесли стол и круглую жаровню, и гости вместе с соседями выпили по несколько чашечек.

Между тем уже наступил вечер и гостей пригласили в дом ужинать. В этот момент с улицы вдруг донесся разговор.

— Вот так холод! Даже река, Достигающая неба, замерзла!

— Сунь У-кун, — услышав это, забеспокоился Трипитака, — что же мы будем делать?

— Холод наступил очень неожиданно, — заметил хозяин, — и река, видимо, замерзла только у берегов, там, где мелко.

— Река замерзла на всем пространстве в восемьсот ли, — продолжал все тот же голос. — Поверхность ее гладкая, как зеркало. По льду уже идут люди.

Услышав это, Трипитака выразил желание тотчас же пойти взглянуть на реку.

— Не спешите, учитель, — уговаривал его хозяин. — Сейчас уже поздно. Завтра пойдем.

Тут они распрощались с соседями и отправились в отведенное им помещение отдыхать.

На следующий день, как только они проснулись, Чжу Ба-цзе сказал:

— Учитель, сегодня ночью было еще холоднее. Наверное, река совсем замерзла.

Трипитака подошел к двери и, кланяясь небу, молвил:

— Великие духи — хранители веры! С того момента, как мы отправились на Запад с благородным намерением достичь цели и совершить поклонение Будде, мы, несмотря на все трудности и опасности пути, ни разу не сетовали на свою судьбу. И вот сейчас мы снова ощущаем помощь неба: по льду мы можем перейти на противоположный берег. Клянемся, что, возвратясь на родину, мы доложим нашему императору об оказанных нам милостях, и он отблагодарит вас за все благодеяния!

Закончив молитву, Трипитака приказал Чжу Ба-цзе седлать коня.

— Учитель, не спешите, — уговаривал хозяин. — Через несколько дней, когда снег растает, я сделаю лодку и переправлю вас через реку.

— Мне кажется, что все эти разговоры излишни, — сказал тут Ша-сэн. — Мы только слышали о том, что река замерзла. А ведь нужно увидеть это собственными глазами. Это вернее, чем слушать других. Сейчас я оседлаю коня, и вы, учитель, сами поезжайте туда и посмотрите.

— Совершенно справедливо, — поддержал Ша-сэна хозяин и приказал работникам оседлать шесть лошадей, а коня Трипитаки не трогать.

В сопровождении шести слуг они все вместе отправились к реке и, приблизившись к берегу, стали смотреть. Что же они увидели?

Облака разошлись, синева в небесах проступила,
И снега громоздились, сугробы казались горами,
И казалось, что холод в проходах у Чу собирался —
Все пространство покрылось зеркальными, ровными льдами.
Ветер северный выл и до кости прохватывал тело,
В гуще водорослей в водоемах попряталась рыба;
Отморожены были в дороге у путников пальцы,
И волна на реке замерзала нефритовой глыбой.
Птицы жались друг к другу, цепляясь за ветки сухие,
Лапки птичьи ломались, и лопались змеи от стужи.
Рыбаки на реке от мороза стучали зубами,
И под стужей серебряной стыли во впадинах лужи.
Шелковичные черви замерзли тогда на востоке,
А на севере крысы глубоко упрятались в норы.
Все излучины озера накрепко льдом затянуло,
И до дна промерзала слоями бездонность пучины.
Волн лишилась река, подымаясь до самого неба.
Чистый лед выходил и на сушу дорогою длинной...

Через реку, по льду, действительно шли люди.

— Куда они направляются? — спросил Трипитака.

— На том берегу, — отвечал Чэнь, — находится женское царство Силян. А эти люди—торговцы. Товар, который здесь стоит сто цяней¹, на том берегу стоит десять тысяч. И, наоборот, то, что там дешево, здесь ценится очень высоко. Выгода от торговли настолько велика, что ради нее эти люди готовы даже рисковать жизнью. В обычное время они погружаются по семьдесят человек в лодку и, не взирая на бурю и непогоду, переправляются через реку. Вот и сейчас, как только они увидели, что река замерзла, они, несмотря на опасность, решили отправиться в путь.

— В жизни самое главное для мирян — это слава и выгода, — сказал Трипитака. — Ради этих двух вещей они готовы пожертвовать даже своей жизнью. Однако и мы мало чем отличаемся от них, выполняя волю императора. Ведь и мы делаем это ради славы. Сунь У-кун! — приказал

он. — Отправляйся в дом нашего благодетеля, собери вещи, оседлай коня, и мы отправимся в путь. Надо воспользоваться тем, что река замерзла.

Сунь У-кун, хмыкнув, пошел выполнять приказание.

— Учитель, — сказал тут Ша-сэн, — пословица говорит: «За тысячу дней человек съедает тысячу шэнов риса». Раз уж мы нашли приют в доме почтенного Чэня, то почему бы нам не прожить здесь еще несколько дней. Мы можем подождать, пока растает снег, сделаем лодку и переправимся через реку. Мне кажется, что спешка никогда не приводит к добру.

— Ну, что ты глупости болтаешь, — сказал Трипитака. — Если бы сейчас был второй месяц, можно было бы надеяться, что потеплеет и снег растает. Но ведь сейчас седьмой месяц, и с каждым днем становится все холоднее. Как же можно говорить об оттепели? Мы только попусту задержимся на целых полгода.

— Хватит вам разговаривать, — сказал Чжу Ба-цзе, спрыгнув с лошади. — Сейчас я пойду посмотрю, насколько крепок лед.

— Ну и Дурень, — сказал Сунь У-кун. — Если вчера ты мог узнать, как глубока река, бросив в нее камень, то как сможешь ты узнать толщину льда?

— Ничего ты не понимаешь, брат, — сказал Чжу Ба-цзе. — Я стукну разок по льду своими граблями. Если лед сломается, значит, он тонок и нечего думать отправляться в путь. Если же лед выдержит удар моих граблей — значит, можно идти.

— Что же, Чжу Ба-цзе совершенно прав, — сказал Трипитака.

Дурень подобрал полы халата и пошел к реке. Здесь он взял обеими руками свои грабли и, взмахнув ими, изо всех сил стукнул по льду. Раздался страшный треск: на льду осталось девять белых царапин, Чжу Ба-цзе почувствовал сильную боль в руках, но лед нигде не треснул.

— Можно идти! — смеясь крикнул Чжу Ба-цзе. — Тут все промерзло до самого дна.

Это очень обрадовало Трипитаку. Путники вернулись в дом Чэня и стали собираться в дорогу.

Все старания хозяев оставить хоть ненадолго гостей, оказались тщетными. Тогда хозяева приготовили сушеных лепешек, хлеба и прочей еды и дали путникам на дорогу. Вся семья Чэней вышла из дома и, земно кланяясь, благодарила Трипитаку и его учеников. Затем принесли блюдо, наполненное мелкими монетами. Хозяин взял его и с поклоном преподнес Трипитаке.

— Примите это в знак нашего к вам уважения и благодарности за спасение наших детей.

Но Трипитака даже руками замахал и, качая головой, сказал:

— Мы отреклись от мира, поэтому деньги и богатство нам не нужны. В пути мы должны кормиться подаянием. Достаточно того, что вы дали нам всякой еды.

Но так как хозяева умоляли принять их скромный подарок, Супь У-кун взял с блюда серебряную монету весом в пять цзяней, отдал ее Трипитаке и сказал:

— Возьмите, учитель, и считайте, что это тоже подаяние. Не надо обижать почтенных хозяев, ведь они выражают вам свои добрые чувства.

После этого они распрощались с хозяевами и двинулись к реке. На льду конь стал скользить и едва не сбросил Трипитаку.

— Какая скверная дорога, учитель, — заметил Ша-сэн.

— Надо, пожалуй, вернуться и попросить немного соломы, — сказал Чжу Ба-цзе.

— Зачем это тебе понадобилась солома? — поинтересовался Сунь У-кун.

— Ничего ты не знаешь, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Если обвязать соломой копыта, конь не будет скользить, и наш учитель сможет спокойно ехать.

Услышав это, Чэнь тут же послал за соломой и попросил Трипитаку подняться на берег. Когда принесли солому и обвязали коню копыта, путники снова простились с Чэнями и продолжали свой путь. После того как они прошли около четырех ли, Чжу Ба-цзе дал Трипитаке его посох и сказал ему, чтобы он положил его на коня и держал в горизонтальном положении.

— А ты хитер, Дурень, — заметил Сунь У-кун. — Ведь не сти посох — твоя обязанность. Зачем же ты отдал его учителю?

— Тебе, видно, не приходилось ходить по льду, поэтому ты так говоришь, — отвечал Чжу Ба-цзе. — На льду часто бывают полыньи и легко утонуть. И вот, если у человека нет чего-нибудь вроде этого посоха, который к тому же следует держать горизонтально, он камнем пойдет на дно. И лед над ним сразу же закроется, словно крышка. Тогда уж нечего рассчитывать выбраться на поверхность. Вот для этого и нужно держать что-нибудь в руках.

— Можно подумать, что этот Дурень всю жизнь провел на льду, — сказал смеясь Сунь У-кун.

И все же все они последовали совету Чжу Ба-цзе: каждый из них нес свой посох на плечах. А Чжу Ба-цзе, нагруженный багажом, повесил свои грабли к поясу, придав им горизонтальное положение. Так они чувствовали себя в большей безопасности.

Шли они пока стемнело. Затем подкрепились немного и, не задерживаясь, двинулись дальше. Ярko светила луна, заливая серебряным светом все вокруг и отражаясь на зеркальной поверхности льда. Не смыкая глаз, путники шли до самого утра. Затем снова поели и двинулись дальше. Вдруг раздался оглушительный треск. Конь от страха едва не упал.

— Ученики мои, что это может означать? — спросил встревоженный Трипитака.

— Это наверно земля треснула от того, что сильно промерзла, — сказал Чжу Ба-цзе. — В этом месте река, пожалуй, промерзла до самого дна.

Трипитака был поражен, услышав это, но все же успокоился и подстегнул коня.

Между тем дух, вместе со своими подчиненными, давно уже ждал паломников. Услышав стук копыт, он пустил в ход свое волшебство и расколол лед. Образовалась трещина. Перепуганный Сунь У-кун тотчас же взвился ввысь. А конь и остальные три путника пошли на дно.

Тут дух схватил Трипитаку и вместе с ним вернулся к себе во дворец.

— Где моя сестра? — крикнул дух.

— Я здесь, великий князь, — отозвалась самка-окунь, с поклонами приблизившись к воротам. — Однако я не смею считать себя вашей сестрой.

— Зачем ты так говоришь, мудрая сестра моя, — молвил дух. — Ведь ты знаешь пословицу: «Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь». Мы ведь договорились с тобой.

Затем дух приказал слугам принести стол, хорошенько наточить ножи, вырезать сердце и внутренности Трипитаки, снять с него кожу и разрезать его на куски. Он велел также позвать музыкантов, чтобы вместе со своей нареченной сестрой полакомиться мясом Трипитаки и обрести бессмертие.

— Великий князь, — сказала тогда самка-окунь. — Давайте немного обождем. Боюсь, как бы его ученики не явились сюда и не учинили здесь скандал. Вот если через дня два эти мошенники не явятся, мы полакомимся в свое удовольствие. Устроим настоящий пир. Вы займете почетное место среди своих подданных. Вас будут забавлять музыкой, танцами. Так, пожалуй, будет лучше.

Дух решил, что она права, и приказал запереть Танского монаха в огромный каменный ящик, в шесть чи длиной, и поставить этот ящик позади дворца. Однако оставим пока Трипитаку и вернемся к Чжу Ба-цзе и Ша-сэну.

Очутившись в воде, они стали вылавливать вещи и складывать их на коня, а затем, рассекая воду, направились к берегу. — Где же учитель? — спросил Сунь У-кун, наблюдая за ними с

ВЫСОТЫ.

— Был учитель по фамилии Чэнь, — отвечал на это Чжу Ба-цзе, — и не стало его. Теперь у него другое имя: «Опустившийся на дно». Искать его бесполезно. Надо добраться до берега, а там решим, что делать дальше.

Читатель помнит, что Чжу Ба-цзе был когда-то небесным полководцем. Восемьдесят тысяч морских воинов Млечного Пути были подвластны ему. Ша-сэн прежде жил в реке Сыпучих песков, а белый конь был внуком Царя драконов Западного моря. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они чувствовали себя в воде, как дома. Находясь в воздухе, Сунь У-кун указывал им дорогу, и благодаря этому они быстро добрались до берега. Там они почистили коня и выжали свою одежду. Великий Мудрец опустился на облаке вниз, и они все вместе отправились в дом Чэней. Кто-то заметил их и поспешил доложить хозяевам:

— Трое паломников возвращаются, а четвертого не видно.

Братья Чэнь поспешили навстречу и, увидев насквозь промокших путников, сказали:

— Как мы уговаривали вас, почтенные отцы, погостить еще у нас, но вы отказались. Вот видите, что получилось. А где ваш уважаемый учитель, монах Трипитака?

— Такого теперь больше нет, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Зовите его теперь Опустившийся на дно.

Услышав это, оба брата зарыдали.

— Ах, горе какое, — причитали они. — Ведь говорили мы вам, что как только растает снег, мы соорудим лодку и переправим вас через реку. И вот теперь из-за своего упрямства он поплатился жизнью.

— Не убивайтесь, почтенные хозяева, понапрасну и не оплакивайте его, словно покойника, — проговорил Сунь У-кун. — Я знаю, что нашему учителю предопределена долгая жизнь. Все это проделки духа Лин-ганя. Вы не волнуйтесь, а велите поскорее выгладить нашу одежду, высушить дорожные свидетельства и покормить нашего коня. Я вместе с братьями выловлю этого негодяя, спасу нашего учителя и навсегда избавлю ваше селение от бедствий. Отныне вы сможете наслаждаться спокойной и счастливой жизнью.

Братьев Чэнь очень обрадовали слова Сунь У-куна. Они распорядились приготовить угощение и накрыть на стол. Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн досыта наелись. Коня и вещи они оставили на хранение хозяевам, а сами, взяв оружие, направились к реке, чтобы выловить чудовище.

О том, как им удалось спасти Трипитаку, вы узнаете из следующей главы.